
РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Большое собрание
стихотворений, песен и поэм
В ОДНОМ ТОМЕ

2022
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Составление *Ксении Рождественской*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

На 1-й стороне обложки использована репродукция картины
«Бегом через улицу» (1963 г.) художника *Ю. И. Пименова*

На 4-й стороне обложки использована репродукция картины
«Раннее утро в Москве» (1961 г.) художника *Ю. И. Пименова*

Фотография на корешке: Виктор Шандрин / Фото ИТАР-ТАСС

Иллюстрация в марке серии:
© Ilusletra CR/ Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62 Большое собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе / Роберт Рождественский. — Москва : Эксмо, 2022. — 1088 с.

ISBN 978-5-04-170803-0

Роберт Рождественский заявил о себе громко, со всей искренностью обращаясь к своим сверстникам, «парням с поднятыми воротниками», таким же, как и он сам, в шестидесятые годы, когда поэзия вырвалась на площади и стадионы. Поэт «всегда выделялся несдвигаемой верностью однажды принятым ценностям», по словам Л.А. Анненского. Для поэта Рождественского не существовало преград, он всегда осваивал целую Вселенную, со всей планетой был на «ты», оставаясь при этом мастером, которому помно словесного точного удара было свойственно органичное стиховое дыхание.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-170803-0

© Рождественский Р. И., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Стихотворения

Летят они к месту,
 где в ожиданье
 ребятам осточертело скитаться.
 Ребята в отчаянье кепки мнут
 целых сорок минут.
 Но они обидятся,
 если вдруг им
 начнешь —
 про любовь и «порывы страсти».

Они
 запыхавшимся подругам
 говорят как можно небрежнее:
 «Здрассте!»

И все.
 И мальчишке становится жарко.
 Окинув веселую улицу взглядом,
 он чинно шагает
 с девчонкой рядом,
 боясь даже взять ее за руку.
 Вместе им
 и хорошо
 и неловко,
 но вот,
 в себе заглушая ропот,
 он предлагает попить газировки
 и добавляет:
 «С сиропом!!»

...Не смейся!
 Давно ли мы сами были
 такими?
 Помнишь наши свиданья?
 Помнишь, —
 злясь на себя,
 грубили
 девчонкам,
 наихитрейшим созданиям?
 Помнишь?..
 Смеяться над этим не надо.
 Как ее звали?
 Наташей,
 Натой.
 Где же ты, Натка?
 Певунья Натка?
 Смешные стихи в голубых тетрадках.
 Возле реки пионерский лагерь.

К солнцу летящие флаги...
 Улыбки прохожих не замечая,
 мальчишка шагает рядом с девчонкой...

Ты не мешай им.
Ты не смущай их.
 Давай отойдем в сторонку.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Смертью, которой грозят нам
 враги, обретем мы бессмертье...

Муса Джалиль

До рассвета семьдесят восемь минут.
 На рассвете
ключ заскрипит в замке,
 на рассвете в камеру люди войдут
 и пролают приказ на чужом языке.
 А потом будет десять визжащих дверей,
 коридорный сквозняк,
молчаливый конвой.
 Будет яма на тесном тюремном дворе
 и тяжелое небо
над головой.
 Автоматчики туго шеренгу сомкнут.
 До рассвета семьдесят восемь минут.
 И сейчас,
на распухшие пальцы дыша,
 задыхаясь,
спеша,
обгоняя рассвет,
 пишет песню,
последнюю песню,
поэт
 чуть заметным обломком карандаша.
 Пусть от долгих допросов гудит голова,
 пусть больная рука тяжелее свинца...
 Но приходят
единственные слова,
 как приказ,
как присяга,
как клятва бойца.
 Пишет,
пишет поэт...

Сюда
 не мы
 нужны...
 И снова
 смотришь во все глаза,
 по коридору бредешь понуро.
 Но вот табличка.
 Написано:
 «Зав.
 Отделом литературы».
 В двери толк!
 И сразу —
 стоп.
 Дубовый стол,
 за столом —
 столп.
 Едва-едва удостоив взглядом,
 рычит:
 «Чего вам,
 собственно,
 надо?!»
 И ты объясняешь с предельным тактом:
 вот, мол...
 Стихи, мол...
 так-то и так-то...
 Зав,
 отрывая от кресла зад
 и багровея:
 «Сатира?!
 Снова?!»
 Мы
 работаем,
 так сказать,
 а вам все хаханьки, да?
 смешно вам?!
 Чему
 смеетесь?!
 (Да помолчите вы!
 Надо же быть
 таким бестолковым!)
 Тоже мне,
 ходят тут...
 «Обличители!»
 Воображают себя
 Михалковыми...»

Песня как песня.
 Трехдневный труд.
 Сдерживая волнение,
 поэт в газету пошел,
 но вдруг
 взяли поэта
 сомнения,
 задели большую его струну:
 как это он принесет
 «про луну»?
 Как же он скажет: «Нате»?
 А вдруг редактор —
 лунатик?
 Примут за выпад.
 Скажут: намек...
 Поэт
 рисковать собою не мог.
 И вот, подумав
 минуту
 одну,
 своими
 опытными руками
 он переделывает
 «Про луну»
 на более выдержанное
 «Про камни»,
 считая,
 что не на что больше пенять
 и что напечатание
 обеспечено...
 А я бы советовал
 камни
 снять.
 Вдруг у редактора
 камни
 в печени?

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ

Очертанья машины неотразимы.
 Остальное —
 не очень обычно для глаза:
 подъезжает к школе
 в роскошном ЗИМе
 ученица второго класса.